

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Шкурный
интерес*

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
ЕО
ПРОГРАММА

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Шкурный интерес

«Научная книга»

Серова М. С.

Шкурный интерес / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Когда у известного предпринимателя Степанова трагически погибла жена Елена, мирно отдыхавшая на бакинской даче одного из партнеров мужа, все говорило о том, что причиной несчастья стала передозировка наркотиков. Но профессиональному телохранителю Евгении Охотниковой удалось доказать, что это всего лишь умелая инсценировка – Елена вообще не была наркоманкой. Однако кому и зачем понадобилось убивать женщину, не принимавшую никакого участия в делах мужа? Может быть, истинной жертвой должен был стать сам Степанов? Чтобы выяснить это, стоит повнимательнее присмотреться к бакинским сотрудникам его фирмы. И тогда, возможно, Охотникова решит задачу, ответ на которую вначале казался таким очевидным и логичным...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марина Серова

Шкурный интерес

Пролог

Бакинская ночь. Небо – словно из черного бархата, усыпанного звездной пылью. Дачный дом из белого кирпича. До моря – всего пара сотен метров. В саду, за столом, под навесом из оплетенной виноградом проволоки, беседовали пятеро мужчин в деловых костюмах. В темноте невозможно было разглядеть их лица, только силуэты. Собрание безликих призраков. Перед каждым – хрустальный бокал, который время от времени с мелодичным журчанием наполнялся красным азербайджанским вином «Чинар». Бутылка величественно возвышалась посреди стола, и в ней осталось уже менее половины содержимого. Убаюкивающе шуршал листьями, напоминающими на ощупь наждачную шкурку, инжир.

– Не мое это дело – бизнес, – мрачно рассуждал успевший изрядно захмелеть Дмитрий Анатольевич Степанов, известнейший в Тарасовской губернии предприниматель. – Мне бы джигитом быть, с оголенной шашкой верхом на коне по вольным степям скакать. Все-таки я на Кавказе родился, хоть кавказской крови в моих жилах и нет. Но Кавказ у меня – здесь! – Степанов ударил кулаком себя в грудь и протянул руку к бутылке. – Эх-х-х...

– Много пьете, Дмитрий Анатольевич! – заметил Алик Алиевич Кулиев, исполнительный директор «Экспресс-Лайфа» в Баку – фирмы, которую возглавлял Степанов. – «В каждой капле вина сидит шайтан!» – сказано в Коране.

Дмитрий Анатольевич отмахнулся:

– А в Библии сказано: «Пейте кровь Христову!» То бишь красное вино. Будем! – он поднял бокал и выпил его залпом. – А тут еще с этим бизнесом – сплошные проблемы! – продолжил он свои рассуждения. – Склады трещат от товаров, а сбыта... – Степанов многозначительно развел руками.

– У меня тоже не все ладно, – молвил Мехман Абдулаевич Магерамов, возглавлявший в Тарасове фирму, сотрудничавшую с фирмой Степанова. – Не могу я твои товары принимать. Ты мне друг, а не просто «субъект бизнеса». И к жене твоей, сам знаешь, как я отношусь. Да ты понимаешь, уж я бы ни за что намеренно не стал ставить палки тебе в колеса.

– И жена моя что-то неважно в последнее время себя чувствует, – горько покачал головой Степанов.

– А что с ней? – вопрос задал Берцман, второй заместитель Кулиева.

– Нервничает. Отчего – не пойму. Спрашиваю – молчит. А в последний раз, когда в ресторане сидели, у нее вдруг руки трястись начали. Бокал с минералкой выронила. Разбился. Пришлось заплатить за битую посуду. Еще в обмороки падала...

– Может, стресс? – предположил Берцман.

– Может, и стресс. Только с чего бы?.. – Степанов выпил еще бокал вина.

– А вы ее к нам, в Баку, отдыхать отправьте! – предложил Мамед Расулович Ильясов, первый заместитель Степанова. – На дачке у меня поживет, в море искупается!

– А знаешь, Мамед? – Дмитрий Анатольевич фамильярно положил руку на плечо своему заму. – Я, пожалуй, так и сделаю! Тем более Елена сама в последнее время все в Баку рвется. «Мало я отдохнула», – говорит. А мы вроде с ней только в мае здесь были... Я бы и сам... Еще недельку...

– Что ж поделаешь? Бизнес – такая штука. Не больно-то отдохнешь, – заметил Ильясов.

– Да, бизнес – уж такая штука! Я тебе вот что о бизнесе скажу, мне только что в голову пришло. Тебя ведь твой полусумасшедший дедушка зовет к себе в горы овец пасти? – спросил Степанов.

– Зовет время от времени, – пожал плечами Мамед Расулович.

– Зовет-зовет! Настойчиво зовет! Я бы на твоём месте, Мамед, уехал к нему! А бизнес... Это ведь гнездо змеиное! Каждый норовит другого ужалить! – Степанов вздохнул.

– Дмитрий Анатольевич! – укоризненно воскликнул Иван Васильевич Чумаков, первый заместитель Кулиева. – Что же вы все о грустном? Вы посмотрите, ночь какая! Где вы ещё такую увидите! Давайте о веселом! Я вот, например, вчера деваху зацепил. Смуглая, стройная, м-ма! Такую сам хан себе в гарем не постыдился бы привести! Я её в зоопарк пригласил. На крокодилов, обезьян да волков посмотрим, мороженое поедим.

– Вечно ты со своим зоопарком, – усмехнулся Степанов. – Посмотри, кругом и так сплошной зоопарк! Крокодилы, обезьяны, волки. Ещё и мороженое с ними есть!

С этими словами Дмитрий Анатольевич слил остатки вина себе в бокал, который уже секунду спустя вновь опустел.

Глава 1

Это произошло вечером шестого июня. С кухни доносился аппетитный запах жареной рыбы. Тетушка занималась привычным колдовством за плитой. Я лежала на диванчике, тупо уставившись в телевизионный экран, и пребывала в мрачном расположении духа. Никакой работенки за последние месяцы не подворачивалось, и финансы мои были на исходе. Вот в таком настроении меня и застал телефонный звонок.

Вставать с належенного местечка было лень, и я окликнула тетушку:

– Тетя, возьми трубку!

– Тебя! – донеслось через несколько секунд.

Я нехотя поплелась в прихожую, где стоял телефон. Нехотя потому, что уже не надеялась услышать стоящее рассмотрения предложение о работе.

– Да, я слушаю!

– Евгения Максимовна, добрый вечер! Это Магерамов. Помните, я как-то пытался заключить с вами контракт на неделю, но мы не сошлись в вопросе об оплате? Мы тогда беседовали в ресторане «Скарабей».

– Да-да, я помню! Теперь вас мои расценки устраивают? – спросила я.

– Не то чтобы лично меня, но моего партнера по бизнесу, думаю, очень даже устроят! Только дело срочное!

– Срочное? Хм-м...

– Вы должны срочно приехать! – чуть ли не умоляюще сказал Магерамов и назвал адрес. – Человек за ценой не постоит!

– И в качестве телохранителя он желает видеть именно меня? – уточнила я.

– Во-первых, я много слышал о вас, и вы – единственный человек, кого я могу порекомендовать другу, положив руку на сердце, не опасаясь совершить ошибку. А во-вторых, Дмитрий Анатольевич давно помышляет о личной охране, но жена его категорически против, так как на дух не выносит всяческих слабоумных громил шкафообразной формы. Телохранитель-девушка – как раз то, что нужно.

– Мне льстит ваш отзыв обо мне. Думаю, я соглашусь.

– Тогда выезжайте как можно скорее! Я не буду вдаваться в подробности по телефону. Мы все объясним на месте.

– Ждите!

Вот так мне поступило неожиданное предложение. Из слов Магерамова я сделала вывод, что с предпринимателем, о котором он толковал, приключилось нечто нехорошее, и человека, как говорят в народе, «приперло».

* * *

Одного взгляда на особняк моего потенциального клиента было достаточно, чтобы определить, насколько состоятелен его обладатель. Судя по всему, он являлся самым что ни на есть настоящим «новым русским». Странно, что до сих пор не позаботился об охране. Резные украшения на воротах и рыжая черепица на крыше двухэтажного здания претенциозно намекали на утонченный вкус владельца.

Я ткнула пальцем в кнопку домофона.

– Назовите свои фамилию-имя-отчество и ждите ответа, – раздался монотонный, записанный на пленку голос.

– Охотникова Евгения Максимовна, – представилась я.

– А, это вы! – из динамика звучал голос Магерамова. – Мы вас ждем! Одну минутку! Я открою.

Ворота распахнулись, и передо мной предстало наполовину выветрившееся из памяти лицо.

Мехман Абдулаевич Магерамов производил впечатление истинного сына гор. Его чистый русский выговор даже как-то не вязался с внешностью представителя кавказской национальности: орлиный нос, густые черные брови, седина на висках, огромный рост и широкие плечи.

– Проходите, Евгения Максимовна! – произнес Магерамов густым, звучным басом, сопровождая приглашение широким взмахом руки.

Я пересекла сад и вскоре уже стояла на пороге шикарного дома лицом к лицу со своим будущим клиентом. Хозяин особняка развернулся спиной к стене, освобождая мне дорогу. В просторной, заставленной антикварными изделиями гостиной он представился:

– Степанов Дмитрий Анатольевич.

Я протянула ему руку. Пока Мехман Абдулаевич ходил открывать, Степанов успел приготовить кофе.

– Присаживайтесь, Евгения Максимовна!

Дмитрий Анатольевич выглядел лет на сорок. Но, наверное, на самом деле он намного моложе, а обманчивое впечатление создают хмурые складки на лбу и абсолютно седые волосы.

Степанов перехватил мой взгляд:

– Я очень комплексую по поводу своей седины. Сразу после университета посидел, мне тогда было двадцать два года, и меня призвали в армию. Я попал в Карабах. Многое пришлось повидать на той войне. Наверное, из-за этого...

– Что вы, я подумала о другом! У вас очень озабоченный вид, – заметила я.

– Да, и именно поэтому я решил обратиться к вам.

– Может, вы изложите суть дела?

– Да, конечно. Вчера, где-то между семью-восемью часами вечера мне звонила жена. Из Баку. Она там отдыхала на даче моего заместителя. Понимаете, фирма, которую я возглавляю, занимается поставкой нефтепродуктов различным тарасовским агентам, и мы неразрывно связаны с Азербайджаном. Я и сам из Баку. Старые связи помогли мне наладить бизнес именно такого рода. Честно говоря, большинство наших сотрудников работает скорее там, чем здесь. В Тарасове осуществляется лишь реализация товара. Мне постоянно приходится ездить туда и обратно.

– Ваша жена тоже участвует в бизнесе? – спросила я.

– Нет. Никогда не проявляла к нему интереса. В последнее время у нее было очень плохое самочувствие. Мой зам, надежный и проверенный человек, предложил отправить Елену на Каспий. Сейчас ведь лето, самое купание. Что может быть лучше для человека, который находится на грани нервного срыва? Тем более что Елена и сама хотела поехать.

– Пожалуй, вы правы.

– Ну так вот. Я не сообщил самого главного. Елена говорила по телефону сбивчиво и бессвязно. Сказала: мол, она давно подозревала, а теперь совершенно уверена, что мне, – и Степанов указал на себя, – грозит опасность! Еще она выдала такую странную фразу, которая мне почему-то особенно запомнилась: «Напрасно я не верила в тринадцать. А кто-то, оказывается, даже любит это число». Я ее спрашиваю: «При чем тут тринадцать, Лена, что ты такое говоришь?» А она мне: «Видела я только что число тринадцать». Короче, бред какой-то! Она хотела сказать что-то еще, но тут ее речь оборвалась на полуслове. А дальше – только шум моря, а потом и вовсе длинные гудки.

– И вы решили немедленно обзавестись охраной?

– Не совсем так. Звонок жены вызвал во мне противоречивые чувства: с одной стороны – страх за жизнь любимого человека, с другой – страх уже за свою собственную жизнь. Я приоткрыл занавеску и выглянул в окно...

Я насторожилась.

– И увидел, как некто в маске перелезает через ограду моего сада, – продолжал Степанов. – Вот тогда я и перепугался... У меня в столе лежит спортивный пистолет Марголина, калибр пять и шесть. У меня имеется разрешение на хранение оружия. Я приоткрыл дверь и, прячась за ней, разрядил всю обойму в сторону сада. Злоумышленник явно не ожидал подобного оборота событий. В щелку между дверью и дверным косяком я видел, как человек в маске пустился наутек. Я позвонил в милицию...

– И что же милиция? – спросила я.

– Приехали, потолклись на месте, сказали, что будут разбираться, пожелали всего хорошего, и... – Степанов развел руками, что, как потом выяснилось, являлось характерной особенностью его жестикуляции.

– Ясно...

– Пока милиция «спешила на помощь», – саркастически отозвался об органах охраны правопорядка Дмитрий Анатольевич, – я позвонил жене. Трубку никто не брал. Тогда набрал номер Мамеда, моего зама, на даче которого и отдыхала Елена. Понимаете, все мои компаньоны, в том числе и Мехман, который сейчас стоит рядом со мной и которому я обязан знакомством с вами, Евгения Максимовна, находились на тот момент на этой даче. Мамед поведал, что Елена уехала утром в город за покупками, но они особо не беспокоятся: она предупредила, что останется ночевать у своей подруги Севили. Она при них обговаривала этот вопрос с подругой. Я рассказал Мамеду все, что произошло, и попросил срочно разыскать Елену. Мамед заверил, что, скорее всего, все в порядке, и еще раз сказал, чтобы я не беспокоился. Он также упомянул, что Мехман вместе с Аликом Алиевичем Кулиевым, исполнительным директором нашей фирмы в Баку, пятнадцать минут назад выехали в сторону аэропорта. Мехману необходимо было вернуться в Тарасов. Я решил дожидаться Мехмана и ничего до того момента не предпринимать.

– Все было именно так, – кивал Магерамов. – Я и не думал, что с Еленой или с Дмитрием могло что-то случиться, и был очень удивлен, когда Дима позвонил и пересказал мне все, что вы только что услышали.

– Но утром мне позвонил Ильясов, принес дурные вести. Оказывается, Елена хоть и ездила к Севили, но пробыла у нее совсем недолго, быстро ушла, сообщив, что у нее планы поменялись. По крайней мере, Севиля так утверждает. А куда Лена поехала потом и где находится сейчас, никому не известно! Я поручил своему заместителю подключить к поискам все имеющиеся у нас ресурсы. Мамед так и сделал. Только вот результатов пока никаких. Я решил сам вылететь в Баку завтра утром. Мехман настоял, что отправляться куда-либо при нынешнем положении дел без телохранителя с моей стороны по меньшей мере неразумно. Потому я и прошу вас о помощи, – сказал Степанов.

– На какой срок вы намерены заключить со мной контракт? – осведомилась я.

– Пока на неделю, а там, может, все и прояснится... Так вы согласны?

– Согласна. Сказать по правде, я чертовски нуждаюсь в работе. А почему бы нам не приступить к составлению договора прямо сейчас? – предложила я.

– Я не против.

Итак, я заключила контракт на неделю. Следующим утром мне предстояла экскурсия в одну из самых экзотических республик бывшего Советского Союза – в Азербайджан. А пока Дмитрий Анатольевич отпустил меня собрать вещи и попрощаться с тетей.

* * *

- Куда-куда? – переспросила тетушка, почти уверенная, что ей послышалось.
- В Баку, тетушка, в А-зер-бай-джан, – терпеливо повторила я по слогам.
- Боже правый! И это прямо завтра?
- Прямо завтра.
- Там же очень жарко! И обстановка нестабильная! – воскликнула тетка.
- Да, там очень жарко, а вот с тех пор, как там была нестабильная обстановка – нестабильная настолько, что уж дальше некуда, прошло много лет, – заметила я.
- Ты, Женечка, будь поосторожнее! Постоять за себя ты умеешь, это я знаю, но Кавказ есть Кавказ, с ним шутки плохи!
- Я обещаю быть предельно осторожной, тем более что это тоже часть моей профессии.
- Привези мне какие-нибудь сувениры, – в интонациях тетушки появилось что-то детское.
- Конечно, я тебя не забуду!
- Ой! А вот я совсем забыла! У меня же молоко на плите! – закричала, схватившись за голову, тетушка и убежала на кухню.
- Я отправилась к себе собирать сумку.

* * *

Самолет вылетал из Тарасова в семь утра. Но уже в шесть мне пришлось приехать к новому клиенту. На плече у Степанова висела спортивная сумка, в правой руке – «дипломат» из крокодиловой кожи. Мехман Абдулаевич решил подбросить нас до аэропорта.

– Я бы и сам с вами полетел, – как бы оправдываясь, говорил он, – вот только проблемки у меня в бизнесе наметились, и решать их надо срочно здесь, в Тарасове. Да я надеюсь, все еще обойдется.

По правде говоря, я была чрезвычайно заинтригована. Я никогда не была в Баку и с нетерпением предвкушала встречу с необычным и удивительным. С другой стороны, я хорошо понимала, какие опасности могут грозить русской девушке на Кавказе.

На таможне мне пришлось заполнить специальную декларацию, в которой я усмотрела ряд воистину дурацких вопросов. Ну скажите, какой здравомыслящий человек проставит галочки в графах, вопрошающих, нет ли в его багаже среди прочих вещей наркотиков, оружия и всяких иных незаконных штучек, даже если именно этими предметами его багаж битком набит?

В самолете основную часть пассажиров составляли лица кавказской национальности. Это не очень меня удивило, так как бывшие советские республики в последние годы не пользовались особой популярностью среди русских.

С начала полета прошло более двух часов, когда я услышала со стороны заднего сиденья мужской голос, сообщивший кому-то, что мы уже летим над территорией Азербайджана.

– Дмитрий Анатольевич, – обратилась я к своему клиенту. – Я слышала, Азербайджан – это пустыня, а под нами все какие-то поля да лесочки...

– Азербайджан включает в себя самые разнообразные климатические зоны: от умеренной до субтропической. Пустыни и полупустыни располагаются в основном в окрестностях Баку, – объяснил он.

Я всегда думала, что переход от одного ландшафта к другому осуществляется плавно и постепенно. Но, глядя в окно самолета, я смогла убедиться, что это не совсем так. Зеленые равнины внезапно оборвались, уступая место пескам.

Самолет пошел на посадку. Под нами голубел Каспий.

– Видите полуостров, выдающийся в море? – показал в окно Степанов. – Это Апшеронский полуостров. Здесь – Баку.

Снова последовали нудные таможенные процедуры, и наконец мне была выдана карточка, вложенная в паспорт, где цель моего прибытия в Азербайджан была обозначена как туризм.

У выхода из бакинского аэропорта нас встретили.

– Ильясов Мамед Расулович, – представился необъятный мужчина с обрюзгшим, раскрасневшимся лицом.

Его спутник, невысокого роста, лысоватый, рассматривал меня с неподдельным интересом. Не требовалось быть телепатом – по характерной ухмылочке на его лице можно было догадаться, какие гнусные мысли роились на тот момент в голове лысоватого. Внезапно спутник Ильясова очнулся, поклонился и представился:

– Чумаков Иван Васильевич.

– Охотникова Евгения Максимовна.

– Евгения Максимовна, вы пленили мою душу! – заявил Чумаков.

Я привыкла к подобным комплиментам, потому в ответ лишь скромно улыбнулась. Мы последовали за компаньонами Степанова к белому «Мерседесу», припаркованному у тротуара. В машине, на заднем сиденье, нас поджидали еще двое, назвавшиеся Берцманом Эриком Иосифовичем и Кулиевым Аликом Алиевичем. Мы со Степановым разместились между ними (как говорится, в тесноте, да не в обиде), а Чумаков с Ильясовым уселись спереди.

– Куда везти? – осведомился Чумаков.

– В гостиницу.

Берцман производил впечатление очень интеллигентного человека. И говорил он образцовым литературным языком.

Кулиев – маленький, шупленький, с бегающими, словно у воришки, глазками, черными, с характерным узким разрезом.

Всю дорогу меня развлекали Берцман с Чумаковым. Это выражалось в активном обсуждении моей личности, причем меня в салоне автомобиля как будто и не было.

– Такая красивая девушка – и такая неженская работа! – сокрушался Чумаков. – Вам бы в модели, а вы... Вот что в наше время с людьми делается!

Я не успела открыть рот, чтобы возразить, как к разговору подключился Берцман:

– Я решительно против твоих идей дискриминации, Иван. Женщина имеет право заниматься всем, чем занимаются мужчины. Этот пункт закреплен в Конвенции о правах человека. Или ты, Иван, имеешь что-нибудь против идей мирового гуманизма?

При чем тут гуманизм, я не совсем поняла, но ломать себе голову над подобными пустяками не стала.

– Женщина не может быть равной мужчине, – возразил Чумаков. – Тебе, Эрик, следует почитать учебник по биологии!

И так далее, в том же духе, до самой гостиницы «Азербайджан»...

– Вы бы лучше попробовали обсудить, как искать Елену Руслановну, – заметил Кулиев, когда машина остановилась и все повалили наружу.

– Обсуждать лучше в спокойной обстановке, – моментально нашелся с ответом Чумаков.

Степанов снял двойной номер. Мне полагалось жить с ним, но в соседней комнате.

– Полиции хорошенько приплатили, чтобы начали поиск, – уже в номере неторопливо рассказывал Ильясов. – А то у них это только через три дня после исчезновения человека положено. Теперь даже картинку по телевизору показывают. Морги предупредили, больницы. Наши люди повсюду рыщут. Пока – безрезультатно. Вы уж простите меня, Дмитрий Анатолие-

вич! Я ей говорил, говорил: «Не уезжай, Елена, никуда с дачи одна!» – а она мне все свое: «Я здесь на отдыхе, а не в тюрьме, и спутники лишние мне ни к чему!» Эх-х-х...

– Ничего, Мамед, – ответил ему Степанов. – Я тебя не виню. Сам должен был за ней глядеть. Хоть бы все обошлось! Елена всегда была вольной птицей. С ней такое и раньше случалось. Хоть бы все обошлось! Вы только не забудьте предупредить своих людей, чтобы, если что-то выяснится, звонили мне прямо в номер.

– Будет исполнено, Дмитрий Анатольевич, – кивнул Ильясов.

* * *

Телефонный звонок разбудил нас в половине первого ночи. Звонил Чумаков. Его голос отчетливо слышался в трубке:

– Дмитрий Анатольевич! Не знаю даже, как вам сообщить...

– Да уж сообщи как-нибудь. Я ко всему готов, – вымолвил Степанов.

– В третьем морге ваша жена. Я сейчас там. Вы приезжайте, мы вам объясним.

– Ждите...

Степанов осторожно положил трубку, присел на корточки и закрыл глаза. Я отвернулась и уставилась в окно. За окном простиралась живописная панорама бакинского бульвара. Неторопливо рассекали воды Бакинской бухты изящные катера. Там, где в Тарасове росли бы хвойные и листопадные деревья, тихонько покачивали кронами пальмы. Все три яруса бульвара буквально кишели прогуливающимися.

– Пойдемте, – раздался за моей спиной голос. Я поняла, что Степанову пришлось собрать всю свою силу воли.

Мы вышли на улицу. В ближайшем магазинчике Степанов приобрел бутылку вина «Чинар». Вести машину он поручил мне, а сам попивал вино, что называется, «из горла» и указывал дорогу. Огни ночного города слепили глаза. Когда мы вышли из машины у ворот морга, Дмитрий Анатольевич бросил в урну опустевшую бутылку.

Чумаков ждал у входа в здание морга, переговариваясь о чем-то с человеком в белом халате. Их беседу с интересом слушали двое полицейских. Когда Степанов отвернулся, Иван Васильевич лукаво подмигнул мне. Я сделала вид, что не обратила внимания на эту фамильярность.

Человек в белом халате соизволил проводить нас всех в зал для опознания. Казалось, его лицо, так же как и лица полицейских, абсолютно не способно выражать какие-либо эмоции. Все трое напоминали мрачные каменные изваяния.

В зале для опознания даже дыхание перехватило от едкого формалинового смрада. Присутствовал здесь и тот особый отвратительный запах, который ни с чем нельзя спутать: так пахнет разлагающаяся плоть. Мы миновали несколько рядов из столиков с телами, накрытыми голубыми покрывалами. К каждому покрывалу была прикреплена бирка с номером. Наконец мы остановились у нужного столика. Здесь уже стоял наготове санитар.

– Вы готовы? – спросил он.

Дмитрий Анатольевич кивнул.

Санитар ловко откинул покрывало с лица трупа. Оно оказалось неестественно желтым. На лице женщины застыла гримаса ужаса. Волосы ее были спутаны. И все тот же мерзостный запах, только теперь он ощущался сильнее.

Степанов отпрянул.

– Это она, – глухо сказал он.

Санитар поспешил скрыть леденящее кровь зрелище от наших глаз покрывалом.

– Что с ней случилось? – прохрипел Дмитрий Анатольевич.

– Ее нашли мальчишки на диком пляже, – раскрыл рот один из полицейских. – Рядом лежал шприц и ампулы без этикеток. Рукава у нее были закатаны. На запястьях – характерные точки и синяки. Она была наркоманкой, господин Степанов, и умерла от передозировки. Непосредственная причина смерти – остановка сердца. Время смерти – пятое июня, где-то между семью и восемью часами вечера.

– Как раз тогда она мне звонила... – пробормотал Степанов и вдруг закричал: – Наркоманкой?! Моя жена?! Не-ет! Я отказываюсь в это верить! Она даже практически не пила, какая еще наркомания?!

– Она могла скрывать от вас свое пагубное пристрастие, – заметил Чумаков.

– Послушайте, господин Степанов, – полицейский положил руку на плечо убитому горем вдовцу. – Припомните, не замечались ли за вашей женой в последнее время какие-либо неадекватные реакции, не было ли приступов раздражительности... возможно, жалобы на плохое самочувствие?

Дмитрий Анатольевич вдруг схватился за голову:

– Боже мой! А я, слепец, и не догадывался! У Лены часто тряслись руки во время еды, она падала в обмороки, ее тошнило! Потому я и отправил ее на отдых в Баку! Но как же я не углядел? В чем ошибся?

– Господин Степанов, – продолжал полицейский, – все, о чем вы только что говорили, – это типичные признаки наркотической ломки. У вашей жены была сильная физиологическая зависимость от наркотиков!

– Но как же так?! Почему?!

Вряд ли кто-то из присутствующих мог бы ответить на вопросы Дмитрия Анатольевича.

– А можно посмотреть на ее руки? – спросила я. – Ну, в тех местах, где она кололась?

Санитар произвел манипуляции с простыней, обнажив интересующие меня участки тела покойной.

Ничего особенного я не увидела, только то, о чем и говорил страж порядка: характерные точки от уколов и многочисленные синяки.

– Вот что любопытно, – сказал приведший нас сюда человек в белом халате, который, как потом сообщил нам Чумаков, был патологоанатомом, – некоторые уколы нанесены явно мимо вены. Видите, вот тут два следа почти сливаются в один? Первый укол, видимо, не принес удовлетворения, и ваша жена повторила попытку: вторая инъекция получилась более удачной. Что непонятно – здесь имеется похожая пара точек, только на этот раз обе инъекции имели прямое попадание в цель.

– И что это может значить?

– Обычно такие ошибки свойственны начинающим наркоманам. Хотя я, например, впервые вижу, чтобы даже начинающий наркоман после удачной инъекции делал повторную инъекцию в тот же участок вены. Они ведь перед впрыскиванием раствора обычно удостоверяются, насколько удачно введена игла. Но это может быть объяснено ошибкой. Скажем, по какой-либо причине наркоман-новичок решил, что первая попытка закончилась неудачей. Тогда все ясно. Но тут есть еще одинстораживающий момент. Начинаящий наркоман не станет колоть себе дозу, способную привести к смерти! Ему она попросту еще не требуется. Господин Степанов, вы давно стали замечать за своей женой неладное?

Степанов пожал плечами:

– Она всегда была немного нервной, в чем-то даже своеобразной. Но по-настоящему ее здоровье начало меня беспокоить лишь в прошлом месяце, как раз после того, как мы в последний раз отдыхали в Баку.

– Возможно, болезнь запущенная, а обострение началось недавно?

– А чем же она кололась? – спросил Дмитрий Анатольевич.

– Это пока неизвестно. Мы отдали кровь на анализ. Но, скорее всего, героином. Героин – «король» наркотиков, и наибольший процент смертности наблюдается среди людей, употребляющих именно его, – ответил врач.

– Все это так странно...

– Наркомания – страшный недуг. Трупы людей, умерших от этого зелья, привозят к нам чуть ли не каждый день, – сообщил патологоанатом.

– А ведь я знаю, кто продавал Лене наркотики! – неожиданно вырвалось у Степанова. – И я понял, что означала та фраза Елены насчет числа тринадцать!

– Да? – оживленно откликнулись полицейские, на их физиономиях появилось выражение заинтересованности. – Если вы поможете нам задержать маститого наркоторговца, принесете огромную пользу обществу! – полицейские заговорили быстро и отрывисто, перебивая друг друга. – И не только азербайджанскому, но и российскому. Многие партии наркотиков поступают в Россию через нашу страну...

– К сожалению, – медленно произнес Степанов, – этот человек не из Баку. Он живет в Тарасове, и я представления не имею, где его искать.

– Возможно...

– Я же сказал, что толком ничего не знаю! – рявкнул Степанов. – Что вы ко мне прицепились? Я полагаю, – Дмитрий Анатольевич повернулся сначала ко мне, а потом к Ивану Васильевичу, – нам здесь больше нечего делать.

С этими словами он решительно направился к выходу.

– Я с вами поеду, – заявил Чумаков уже на улице. Я догадалась, что это желание Ивана Васильевича обусловлено моим присутствием.

– А машину здесь бросишь? – удивился Дмитрий Анатольевич.

– Завтра за ней вернусь.

– Ну, как угодно...

* * *

– О каком продавце зелья вы говорили? – спросил Степанова Чумаков уже в машине, крутя «баранку».

– Женя Тучин, генеральный директор «Архоса», однажды в разговоре со мной обронил, что видел как-то на проспекте Кирова мою супругу с человеком, пользующимся в криминальном мире дурной славой. Его прозвище – Капкан. Тучин сказал, что Капкана можно опознать по особой наколке на левом запястье – заключенное в круг число тринадцать. Вот что означала странная фраза Елены! И как до меня сразу не дошло! Наверное, просто потому, что я и подумать такого не мог: моя жена – наркоманка. А ведь Капкан как раз и занимается реализацией наркотических препаратов! Торгует наркотиками всех мастей: от марихуаны до героина. У него и всяких синтетических штучек полно. Капканом его прозвали за то, что он людей в наркотическую ловушку заманивает. Причем так хитро и ловко это делает, что человек сам не замечает, как «садится на иглу». Видимо, прирожденный психолог. Бабок у него – немерено! – Степанов провел ребром ладони по горлу. – Тучина от подобных людей просто воротит так, что он даже не стал с Леной здороваться. Прошел мимо них, словно не узнал.

– А этот ваш Тучин вполне уверен, что с Еленой Руслановной он видел того самого наркоторговца? – задал хороший вопрос Чумаков. – Вы же сами сказали, что Тучин подходить к ним не стал. А значит, и наколку на запястье не мог разглядеть.

– Женя не спутает! Он не один срок отмотал.

– И что вы теперь собираетесь делать, Дмитрий Анатольевич?

– Я разыщу этого Капкана и отправлю его за решетку! Надеюсь, Тучин мне в этом поможет...

Иван Васильевич покачал головой:

– Если он поймет, что вы хотите торговца засадить, – не станет помогать. Тучин же сам на зоне бывал. Ведь у этих блатных – свои, особые, понятия.

– Поживем – увидим. Все равно – тем людям, которые мою жену погубили, я отомщу! – Степанова передернуло.

– Дмитрий Анатольевич, сразу видно, что вы на Кавказе выросли! Да, кавказцы дикари, варвары, но сохранилось в них нечто такое... – Чумаков запнулся, подыскивая нужное слово. – Искреннее! У нас когда-то эта искренность тоже имелаась. А потом... Испортила нас, русских, западная цивилизация!

На этом рассуждения Чумакова прервались – мы подъехали к гостинице. Иван Васильевич помог мне выбраться из машины, не забыв при этом поцеловать ручку.

– Ну, бывай, Ваня! – попрощался с компаньоном Степанов. – Спасибо за помощь!

У меня мелькнуло подозрение, что Чумаков надеялся подняться в наш номер, а возможно, и пригласить меня куда-нибудь, но Дмитрий Анатольевич сорвал его планы. Я по этому поводу переживать не собиралась. На том и разошлись.

В номере, за чашечкой чая я узнала у Дмитрия Анатольевича, какие должности в его корпорации занимают Чумаков и Берцман. Об Ильясове и Кулиеве я уже знала все необходимое.

– Чумаков первый зам Кулиева, а Берцман – второй. Но фактически эта парочка – мозг компании. Много прибыльных идей в свое время подкинули. Особенно Иван. Если бы он еще таким бабником не был...

* * *

Результаты анализа крови покойной Степановой Елены Руслановны стали известны к десяти часам следующего утра. Работники морга оповестили нас об этом по телефону. Оставалось приехать самим и узнать подробности.

На этот раз трупы осматривать не пришлось. Нас пригласили в небольшой флигель, примыкающий к основному зданию со стороны двора, где располагалась лаборатория биохимического анализа.

Мы долго петляли по коридорам, прежде чем отыскали нужный нам кабинет с табличкой. На куске плотной бумаги шариковой ручкой было небрежно написано: «Лаборатория крови». В приемной молоденькая лаборантка предложила нам присесть и сказала, что сейчас вызовет главного эксперта.

Главным экспертом оказалась очень полная женщина. У нее было весьма экзотическое имя, больше подходящее какой-нибудь актрисе, нежели сотруднице городского морга:

– Офелия-ханум.

– А ханум – это отчество? – поинтересовалась я и тут же пожалела, что до сих пор не научилась держать за зубами свой чрезмерно длинный язык.

– Простите? – смутилась мадам главный эксперт.

– Просто отчество «ханум» звучит несколько необычно... – Я почувствовала, как настоящий «пожар» разгорается на моих щеках.

– Ханум – это принятое в Азербайджане обращение к женщинам, достигшим заслуживающего уважения возраста, – попытался разрешить возникшую неловкость Степанов. – Вообще, слово «ханум» переводится на русский язык как «тетя». Отчество в Азербайджане упоминается довольно-таки редко. В основном в сверхофициальных ситуациях. В бытовом же общении называется имя и добавляется какая-нибудь приставка, отвечающая социальному статусу данного лица. Например, «муаллим» или «муаллимэ», соответственно – учитель и учительница.

Мне ничего не оставалось, кроме как удивленно покачать головой:

– Учту на будущее.

Офелия-ханум раскрыла папку с результатами анализа крови Степановой.

– Героин она не употребляла, – уверенно заявила эксперт. – Этот наркотик сохраняется в крови в течение нескольких дней, мы же не обнаружили его следов, хотя доза, по всей видимости, была немалой. Скорее всего, это какой-нибудь синтетический препарат, из тех, что быстро разлагаются, но вред здоровью перед этим успевают нанести непоправимый.

– А можно предположить, что Елена Руслановна вовсе не была наркоманкой? – задала я вопрос, вдруг пришедший мне в голову.

Офелия-ханум улыбнулась:

– Не будьте такой наивной, девушка! Я изучила отчет патологоанатома. Все признаки налицо. Поверьте, мы сталкиваемся со случаями, подобными вашему, чуть ли не каждый день.

– Я так понимаю – препарат, погубивший мою жену, вам определить не удастся? – вмешался Дмитрий Анатольевич.

– Боюсь, что нет.

Офелия-ханум еще раз заглянула в отчет, составленный по результатам анализа крови, и спросила:

– Хм... Ваша жена страдала от ревматизма?

Степанов удивленно вскинул брови:

– Вроде нет. Она никогда об этом не говорила. А что?

– У нее в крови обнаружены вещества, образующиеся при разложении випраксина. Это мазь, применяемая при ревматизме. Всасывается через кожу.

– В ней содержатся наркотические компоненты? – уточнил Степанов.

Офелия-ханум тактично улыбнулась:

– Нет, випраксин, кроме как в лечебных целях, никак не используется.

– Быть может, подобные вещества образуются при разложении какого-нибудь наркотика в организме? – настаивал вдовец.

– Уверяю вас, к несчастью для наркоманов, эти вещества к «кайфу» никакого отношения не имеют.

– Или к счастью, – заметила я.

– Нет, девушка, – покачала головой Офелия-ханум, – счастье тут ни при чем. Наркоман все равно отыщет какой-нибудь наркотик, чего бы это ему ни стоило.

– Есть в отчете еще что-нибудь важное? – осведомился Степанов.

– Нет. Все, что написано, я вам пересказала.

Больше Офелия-ханум ничего полезного нам не смогла сообщить.

* * *

У Степанова не было причин задерживаться в Баку надолго. Остаток дня он посвятил оформлению свидетельства о смерти жены и связанных с этим бумаг, решению проблемы транспортировки тела покойной в Тарасов, а также деловым переговорам с компаньонами. Вид у Дмитрия Анатольевича был крайне подавленный. Он походил на собственную тень, на призрак, на зомби. Похоже, в нем что-то сломалось... Прежний Степанов исчез, а тот, кто ходит, двигается и говорит, – лишь призрак, не способный обрести покой.

Утром девятого июня мы возвращались в Тарасов. Я испытывала легкую досаду. Очень хотелось успеть осмотреть столицу Азербайджана, ознакомиться с его достопримечательностями, искупаться в море, купить сувениры тетушке, наконец! Все, что я увидела, – панорама пыльного бульвара за грязным гостиничным окном да столики с мертвецами в бакинском морге. Обидно...

А тут еще нелепые идеи Дмитрия Анатольевича о страшной мести!

– Я твердо намерен отыскать этого Капкана, – заявил он, когда мы ждали своего рейса в аэропорту. – Возможно, тебе придется сопровождать меня по самым отвратным, пользующимся дурной славой уголкам Тарасова. Я могу положиться на тебя? Если ты не согласна, еще не поздно расторгнуть контракт.

– Это моя работа, – угрюмо отвечала я, – и к ней я готова всегда. Как «юный пионер».

– В таком случае, я не сомневаюсь, что у нас все получится! Мы сработаемся.

Глава 2

Целиком погруженный в подготовку похорон Степанов все-таки нашел время и пообщался с генеральным директором строительной компании «Архос» Евгением Андреевичем Тучиным. Для начала Дмитрий Анатольевич связался с Тучиным по телефону. Тот выразил Степанову свои соболезнования и охотно согласился встретиться, предложив для этой цели собственную квартиру. Они договорились на два часа дня.

Как ни странно, Евгений Андреевич не стал выстраивать классический «новорусский» особняк неподалеку от Набережной, а предпочел жить в обычной хрущевке, рядом с проспектом Кирова. Правда, квартира его насчитывала пять огромных комнат, обставленных подобающим образом, соответствующим человеку его уровня.

Тучин проживал в этих хоромы со своей женой Елизаветой Федоровной, дочкой Машей, сыном Володей и телохранителем Сергеем. Последний показался мне смутно знакомым. Маше, как сообщил отец, недавно исполнилось тринадцать лет. Это была высокая худенькая девчушка с большими синими глазами – копия матери. Увидев нас, Маша очень застеснялась и убежала к себе в комнату. Володя, напротив, оказался чрезвычайно резвым семилетним мальчуганом, и во время беседы Степанова с Тучиным он без конца с дикими криками носился по комнате. Сергея описывать не стоит, он по внешнему виду мало чем отличался от большинства телохранителей деловых людей в современной России.

– Мои глубочайшие соболезнования, Дмитрий Анатольевич, – в который раз повторил Тучин, когда мы сели за стол.

Степанов слегка склонил голову. Елизавета Федоровна разлила по чашкам чай.

– Елена Руслановна была хорошим человеком, – продолжал Евгений Андреевич. – Сердце у нее было доброе. Таких людей теперь почти и не встретишь. Царствие ей небесное! – Тучин набожно перекрестился.

– Царствие ей небесное, – повторил Степанов и тоже осенил себя крестом.

Помолчали.

– Ты о чем-то хотел меня спросить, – первым завел разговор Тучин.

– Ты ведь наверняка слышал, как умерла моя жена? – задал вопрос Дмитрий Анатольевич.

– Как же не слышать? Весь город об этом только и судачит. Никогда бы не подумал...

– Вот и я не думал, а оно вот как обернулось! – Дмитрий Анатольевич развел руками. – Я хочу, Евгений Андреевич, отыскать тех людей, что мою жену в могилу вогнали. Расправиться с ними как с бешеными собаками!

Тучин нахмурился и проговорил:

– Это как же ты с ними расправишься? Уж не убийство ли ты задумал, Дмитрий Анатольевич?

– Не-ет, убивать я никого не стану. Не такой я человек, хотя, может, и надо было бы. Я их за решетку отправлю. Пусть баланду хлебают!

Евгений Андреевич кивнул:

– А я-то чем тебе могу помочь?

– Ты ведь рассказывал, что видел Елену на проспекте с известным барыгой, Капканом. Ты бы шепнул мне на ушко, как на этого Капкана выйти? Неоценимую услугу окажешь! А после сочтемся...

– Не в счетах дело, – промолвил Евгений Андреевич. – Я тебе почему о Капкане сказал? Чтобы предупредить. Чтобы ты за женой получше приглядывал. А вот на человека вывести... Не-ет, этим я не занимаюсь. Ты на зоне не сидел, Дмитрий Анатольевич, многих понятий не знаешь. Я бы и сам с удовольствием такого, как Капкан, сгноил, да только... под очень

серьезными ребятами он ходит. Не понравится им это. А ребята авторитетные, «косяков» за ними сроду не водилось. Да что я тебе объясняю... Сложно это все. Ты меня правильно пойми, Дмитрий Анатольевич, я бы, может, с радостью тебе помог, да не в моих это силах. Ты уж как-нибудь сам попробуй. С наркоманами потолкуй, в доверие к ним вотрись. Они все Капкана знают. Ты на меня, Дмитрий Анатольевич, не серчай. Бывал бы там, где мне довелось, сам бы понял, в чем дело...

– Да я понимаю, – вздохнул Степанов. – Меня компаньон предупреждал. Это я так, для очистки совести. Нужно испробовать все варианты.

– Может, коньячку, Дмитрий Анатольевич? – внезапно предложил Тучин.

– Нет, Евгений Андреевич, благодарю. Дела в первую очередь. Не до коньячка.

Тучин пожал плечами. Стараясь следовать правилам хорошего тона, Дмитрий Анатольевич еще немного побеседовал с Тучиным на отвлеченные темы, в основном о бизнесе и об общих знакомых. Когда Степанов сказал, что ему пора, Евгений Андреевич повторил свои соболезнования, после чего мы попрощались.

Так подтвердились слова Чумакова – генеральный директор компании «Архос» нам не помог. Предстояло искать другие варианты.

– Мне необходимо подумать, – заявил Степанов по дороге домой. – Подумать, от чего можно оттолкнуться, и в соответствии с этим разработать план действий.

– Может, мне тоже что-нибудь придет в голову, – отозвалась я.

– Это было бы просто замечательно.

Похороны состоялись на следующее утро. Поскольку в мои обязанности входило сопровождение клиента везде и всюду, я тоже присутствовала. Это было впечатляющее зрелище.

Воскресенское кладбище запрудили иномарки. Среди желающих проститься с покойной были не только жители Тарасова, но и бизнесмены из Москвы, Питера, Уфы и других городов России. Прилетели и компаньоны Степанова из Баку. В глаза сразу бросился Чумаков, не забывший одарить меня своей «неотразимой» улыбкой. Стоит заметить, что многие из соболезнующих имели откровенно криминальную внешность.

На всех церемониях мне пришлось стоять в первых рядах, по правую руку от Дмитрия Анатольевича. Стояла невыносимая жара. Я тоскливо слушала монотонные напевы священника в черной сутане и, когда все начинали креститься, делала то же самое. Наконец гроб опустили в могилу, и по его покрытой черным лаком дубовой крышке отрывисто и резко, как бы подчеркивая необратимость случившегося, застучали комья земли. Я тоже отдала последнюю дань усопшей. Гостей оказалось так много, что еще до того, как к работе приступили могильщики, гроб уже был полностью укрыт покрывалом из плодородной кладбищенской почвы.

Когда там, где еще полчаса назад была глубокая, овальной формы яма, образовался аккуратный холмик, отличающийся от соседних более темным цветом и рыхлой структурой земли, на могилу стали укладывать венки. Их количество и размеры некоторых из них просто поражали.

Я уж думала, что не дождусь окончания церемонии, но все же такой момент настал, и провожающие начали расходиться. Мне еще предстояло побывать на пышных поминках в одном из престижнейших ресторанов Тарасова.

Во время поминок Степанов много пил и почти не закусывал, несмотря на то, что стол буквально трещал от яств. Но, казалось, алкоголь не оказывает на Дмитрия Анатольевича никакого воздействия. Глубокие складки ни на секунду не сходили с его высокого лба. Похоже, мой клиент о чем-то напряженно размышлял.

Во время поминок к Степанову подошел Мехман Абдулаевич Магерамов.

– Как дальше жить думаешь? – мрачно спросил он.

– Искать негодяев, у которых Елена приобретала наркотики.

– Верное дело. Я бы тебе помог, да только у меня проблемы вдруг наметились. Мне срочно надо выезжать в Грузию. Задержусь там дней на десять, а то и больше. Но потом обязательно тебя найду. Если ты к этому времени ничего не узнаешь, я лично приму участие в расследовании, задействую все свои связи – и старые, и новые. Елена должна быть отомщена. Такого человека жизни лишили! Я, как сын Кавказа, такого простить не могу! Да и ты, Дима, наверное, тоже.

– А ведь ты продолжал любить Елену вплоть до того момента, когда она умерла...

– Продолжал, – тяжело кивнул Магерамов.

– Лучше бы она с тобой была, Мехман, – горько вымолвил Дмитрий Анатольевич. – Может, тогда все было бы иначе...

– Ты эти штуки, Дима, брось! – мрачно сказал Магерамов. – Жаль, что я должен уезжать. Ты смотри, не раскисай без меня! – Магерамов положил руку Степанову на плечо. – Крепись, Дима, – попробовал он подбодрить друга.

Наконец все формальности были выполнены. Казалось, Степанов вздохнул с облегчением.

– Ну вот, – сказал он, когда мы вышли на улицу, – теперь я могу полностью отдаться делу поиска людей, загубивших Елену!

Я поняла, что месть виновникам смерти жены превратилась для Степанова в навязчивую идею. Он будет одержим ею денно и нощно и не успокоится, пока не доведет задуманное до конца.

– Извините, Дмитрий Анатольевич, за нескромный вопрос. Мехман Абдулаевич, как я поняла, любил вашу жену?

– Любил, – кивнул Степанов. – Еще как любил. Он чуть было не отбил ее у меня много лет назад. У них был очень красивый и страстный роман. Какое-то время мы с Мехманом даже считали друг друга врагами.

– Но в итоге Елена Руслановна предпочла вас.

– Да. Она объяснилась с Мехманом и попросила принять сделанный ею выбор с уважением. Мехман – очень благородный человек. Он не стал разубеждать Елену, а просто смирился.

– И вы с Мехманом Абдулаевичем, как я понимаю, стали в итоге друзьями...

– Да. Мехман оказался верным и преданным другом. И все эти годы мне было перед ним несколько неудобно, потому что я прекрасно понимал, какие чувства продолжает он испытывать по отношению к моей жене.

– Наверное, он тоже горит жадой мести, – предположила я.

– Думаю, да. Идемте к машине, Евгения Максимовна. Нет смысла здесь больше задерживаться.

– Послушайте, – заговорила я по дороге к дому Степанова, – а ведь я знаю одного наркомана! Валерка Иванов. Он вполне может вывести нас на след. Главное, обставить все так, чтобы не вызвать у него подозрений.

– И как это дело провернуть?

– Мы можем прикинуться, будто нам срочно требуются наркотики. А там видно будет. Может, Валерка подскажет адрес какого-нибудь барыги, если повезет – то и адрес самого Капкана.

– Даже если мы отыщем этого Капкана, каким образом отправить его за решетку? – поинтересовался мой клиент.

– Я размышляла на эту тему. Можно запечатлеть акт продажи наркотика на пленку. У меня как раз есть фотоаппарат, замаскированный под сигаретную пачку, специально для тайной съемки. Я получила его в подарок от одного доброго знакомого, с которым мне давным-давно пришлось служить в одном секретном подразделении. Быть может, пришла пора им воспользоваться?

– Хорошая идея. А почему бы нам не поехать к этому Валерке прямо сейчас? Хотя нет, первым делом нам нужно взять фотоаппарат, вряд ли он у вас с собой.

– Первым делом вам, Дмитрий Анатольевич, следует переодеться. Неужели вы думаете, что кто-нибудь поверит, что солидный мужчина в деловом костюме, со стрелочками на брюках – наркоман? А потом уже заедем ко мне. Я тоже переоденусь и захвачу фотоаппарат. Кстати, машину придется оставить на порядочном расстоянии от дома Валерки.

– Я как-то не подумал обо всем этом, – вздохнул Степанов.

– У вас есть дома какие-нибудь выцветшие джинсы, потрепанная рубашка, словом, что-нибудь такое, что позволит Валерке принять вас за «своего»?

– Можно поискать.

– Вот и отлично! Тогда едем к вам.

* * *

Это случилось у самого дома Дмитрия Анатольевича. Я выбиралась из машины первой, и как раз в этот момент мой натренированный глаз уловил какое-то движение у дерева напротив.

– Оставайтесь в машине, Дмитрий Анатольевич! – крикнула я. – И пригнитесь пониже!

Я вынула из кобуры пистолет, разрешение на ношение которого не так давно продлила. Озираясь по сторонам, я начала медленно двигаться в сторону дерева. Казалось, на улице – ни души. Тихо шелестела листва. В квартале от нас протяжно мяукала кошка. Мой слух обострился до предела, но ничего подозрительного он уловить не смог. Я уже начала думать, что стала в последнее время излишне осторожной.

И тут за деревом что-то шевельнулось. Я замерла на месте. Алая вспышка словно провала дыру в ночной тьме, грохот выстрела развеял царившее на улице умиротворение. Я упала на землю и выстрелила в ответ. Со стороны дерева последовала еще одна вспышка, и я заметила чей-то высокий, сутулый силуэт. Человек со всех ног убежал прочь.

Через несколько секунд он скрылся из виду.

– Похоже, приходили по вашу душу, Дмитрий Анатольевич, – сообщила я, вернувшись к машине. – Мехман Абдулаевич прав, вам следует быть предельно осторожным. Кому-то срочно требуется отправить вас на тот свет.

– Совершенно не понимаю – что происходит? – произнес Степанов. – Чертовщина какая-то!

– Может, Дмитрий Анатольевич, у вас появились проблемы, не имеющие отношения к смерти жены? – поинтересовалась я.

– Может быть. Но сначала я должен расквитаться за Елену. А потом уже все остальное. Пока я не отомщу за смерть жены, собственная жизнь мне безразлична.

Степанов без конца твердил одно и то же. Это уже начинало меня раздражать.

– А может, все это взаимосвязано, – резонно заметила я. – Вы ведь не в курсе, какие дела и с кем имела в последнее время ваша жена? В конце-то концов, если вас убьют, мстить за Елену Руслановну будет некому. Вы подумали об этом?

Дмитрий Анатольевич почесал затылок со словами:

– Пожалуй, вы правы, Евгения Максимовна.

* * *

Дмитрия Анатольевича Степанова было не узнать. Теперь он походил на некую маргинальную личность, в прошлом ведущую полуинтеллигентный-полубогемный образ жизни, а ныне опустившуюся на самое дно российского общества. Мятые брюки, всклокоченные волосы... В общем, видок у него получился впечатляющий, дающий богатую пищу воображе-

нию. Я просто залюбовалась рубашечкой, которую собственноручно повалила в пыли. Оставалось сменить гардероб и мне, а также вооружиться фотоаппаратом.

...Тетушка, напекшая две огромные тарелки пирожков с картофелем, только охала да ахала, наблюдая за мной, внезапно вспыхнувшей страстью к бомжовской моде.

– Ты хоть пирожков-то с собой возьми, Женечка! – почти умоляла она.

– Угу, – отвечала я, запихивая очередной пирожок в рот.

Дмитрий Анатольевич взирал на эту сцену, и впервые за последние дни его губы тронула легкая улыбка.

– Вы бы хоть объяснили, к чему весь этот маскарад! – сокрушалась тетушка, склонившись надо мной, занятой превращением почти новых джинсов в нечто драное и лохматое.

– Потом, тетушка, потом! Сейчас времени нет.

В лежавшей на диване дамской сумочке, которую я тоже хорошенько потрепала, покоился драгоценный фотоаппарат. Он был выполнен в виде пачки сигарет «Золотая Ява».

Если бы умудренный опытом человек взглянул на кружочек, образованный буквой «Я», от его глаз не укрылся бы стеклянный блеск объектива. Сенсорные участки на корпусе фотоаппарата позволяли сделать снимок одним легким прикосновением пальца. Потрясающая штучка!

Наконец я была полностью экипирована. Я сделала знак Степанову, и мы направились к выходу.

– А сувениры-то? Сувениры привезла? – закричала моя милая тетушка вдогонку.

Но ответа она так и не услышала – я к тому времени уже стояла в дверях.

– Извини, тетушка, я страшно спешу, мы с тобой еще обязательно поговорим! – бросила я на прощание и захлопнула дверь.

Лишь на улице я вспомнила, что забыла прихватить пирожки. Думаю, в тот момент никто бы не поверил, что парочка оборванцев подозрительного вида, бредущих по вечерней улице, – это известный тарасовский предприниматель и его телохранительница.

В ближайшем ларьке я купила настоящую пачку сигарет «Золотая Ява», чтобы создать у наркоманов и, возможно, впоследствии у наркоторговцев впечатление курильщицы, причем предпочитающей сигареты определенного сорта. Я очень надеялась, что присущая мне ловкость рук в нужный момент меня не подведет.

* * *

Валерку Иванькова я знала со школы. Он учился на несколько классов младше меня. Среди учителей бытовало мнение, что Валерка – вундеркинд. Иваньков состоял в школьном драмкружке, и о его артистических талантах ходили легенды. Ему пророчили карьеру звезды экрана и все прочее в этом роде. Отец Валерки погиб в автокатастрофе вскоре после того, как будущий наркоман появился на свет. Валерка остался целиком на попечении матери. С ней дружила моя тетушка, и мне не раз случалось оказываться у Иваньковых дома. В то время это был шупленький мальчик с вечно растрепанными волосами и с удивительно умными карими глазенками.

Когда Валерка пристрастился к наркотикам, точно никто не знал. По всей видимости, это случилось с ним на втором курсе учебы в Тарасовском государственном университете.

Именно тогда его успеваемость резко пошла на убыль. Хотя, возможно, объяснение этому – неожиданная смерть матери от рака легких. Мать Валеры очень много курила.

Как Валерка мне впоследствии рассказывал, началось все с обычной «безобидной травки». Уповав на ее «чудодейственные» свойства, будущий наркоман пытался обрести новые ощущения и уйти от серой, скучной и несправедливой объективной реальности. Потом Иваньков попробовал более тяжелые наркотики, потом еще более тяжелые, и так в конце концов

добрался до героя. Надо заметить, что даже сейчас, когда Иваньков находился на последней стадии болезни, именуемой наркоманией, его метким пародиям на известных деятелей политики и поп-культуры позавидовал бы сам Максим Галкин. Короче говоря, обычная и вместе с тем чрезвычайно грустная история.

* * *

В Валеркином подъезде отчетливо пахло помойкой. Света не было.

Квартира Иванькова располагалась на девятом этаже, и добираться туда пришлось на кряхтящем, словно старый циррозник, лифте с загадочной надписью на одной из стен: «Теркин – лох!» Дмитрию Анатольевичу происходящее явно не нравилось, но воспринимал он это молча, только время от времени морщил нос.

Я позвонила в обитую истершимся дерматином дверь, имевшую весьма неэстетичный вид. Никто не откликнулся. Я позвонила еще раз, и спустя полминуты за дверью послышалась какая-то возня. Тут я вспомнила, что, пока не поздно, стоит кое о чем предупредить Степанова.

– Общаться нам придется на «ты», – шепнула я ему на ухо.

Степанов кивнул.

– Кто там? – раздался за дверью хриплый мужской голос.

– Это Женя Охотникова с другом! Помнишь такую?

В ответ хозяин квартиры что-то невнятно пробормотал, затем щелкнули замки.

Валера выглядел совсем плохо. Он походил на стремительно засыхающее дерево. Лицо его было бледным, под глазами мешки. На его губах блуждала рассеянная улыбка.

– Можно к тебе?

– Конечно!

Дом Валерки напоминал Зимний дворец после его захвата большевиками.

Мне, конечно, случалось видеть неприбранные квартиры, но с таким «погромом» я столкнулась в первый раз.

– Валера! – Иваньков протянул Дмитрию Анатольевичу руку.

– Дмитрий.

– Вы уж извините за беспорядок... – словно оправдывался Валерка. – Времени не хватает катастрофически! Не до чистоты.

Я хмыкнула.

– Чаю нет, – продолжал Валерка, провожая нас в комнату, вероятно, когда-то служившую гостиной. – Можете попить водички из крана. Еды тоже нет. Раскумар! – пояснил он.

Валерка смахнул с дивана на пол какие-то шмотки, книжки и мухобойку.

– Можете присаживаться!

Мы со Степановым последовали этому приглашению.

– Значит, водички никто не желает? – Иваньков никак не находил себе места. – А я вот, пожалуй, намахну стаканчик.

Валерка удалился и вернулся уже с граненым стаканом, наполненным мутноватой жидкостью, которую, очевидно, полагалось считать водой. Он устроился напротив дивана, на полу.

– А здесь можно курить? – осведомилась я.

Валера пожал плечами:

– Курите.

Я вынула из сумочки пачку «Золотой Явы» и закурила. По комнате поплыл сизый дымок.

– Это ж какими судьбами, Евгения? – обратился ко мне Валерка.

– Ты что, Иваньков, под кайфом? – вместо ответа задала вопрос я.

– А то! Я в сказочной стране! А вот ты что-то на себя не похожа. Прикид у тебя какой-то... У-у-у! Уж не присоединилась ли ты к нашему племени? К племени торчков?

От этих вопросов я даже вздрогнула. Ведь моей целью являлось повернуть мысли Валерки именно в этом направлении.

– До такого состояния, как у тебя, я все равно не дойду, – отозвалась я, стараясь намекнуть на появившуюся у меня заинтересованность в наркотических препаратах и не вызвать при этом подозрений.

Иваньков наживку проглотил:

– У-у-у! – покачал он головой. – Все понятно! Скажи-ка, Женечка, а до какого состояния ты уже дошла?

– Я не собираюсь говорить на эту тему.

– У-у-у! Все ясно! Уж не за раскумаром ли ты явилась, красна девица?

Я сделала вид, что смутилась, и заерзала на месте. Дмитрий Анатольевич все это время сидел, отрешенно уставившись в одну точку, застыв в одной позе, словно каменный истукан. Валерка оглядел нас и усмехнулся. Он истолковал наше поведение по-своему.

– У-у-у! Все становится на свои места! Так это ты с ним торчишь? – Валерка кивнул на Степанова.

– Ты, Валера, хам и грубиян! – делано возмутилась я.

– Ты под чем? – спросил Иваньков у Дмитрия Анатольевича.

Тот встрепенулся:

– А? Что вы сказали?

Иваньков рассмеялся.

– Во торчок! – озвучил он свое мнение по поводу Дмитрия Анатольевича. – Бороздит себе космические просторы на другом краю галактики, а потом понять пытается, что мы сказали! Расслабься, дружище! – Валерка тяжело опустил руку Степанову на плечо. – Я не святой отец, чтобы ко мне на «вы» обращаться! Ты, – Иваньков ткнул Степанову в грудь, – под чем, спрашиваю?

– Я трезвый, – растерянно молвил Дмитрий Анатольевич.

Валера вскинул брови:

– Да ну!

– Он трезвый, – подтвердила я. – И я трезвая. Просто у Димки, – я все же решилась назвать Степанова подобным образом, как тяжело мне это ни далось, – большие проблемы...

– Ломки, что ли? – недоверчиво покосился на Дмитрия Анатольевича Иваньков.

– Говорят тебе, проблемы, – огрызнулась я, – а ты все свое, ломки да раскумары!

Иваньков пожал плечами:

– Я же по вас вижу – торчать хотите и все тянете да тянете, никак к делу не приступите. Ну, выкладывайте, зачем пришли?

Я собралась духом и сказала:

– Нам бы наркоты достать...

– Лавэха есть? Героин могу толкнуть прямо сейчас.

– Как – сейчас?

– Ну, у меня есть своя заначка.

Такого поворота событий я не предусматривала. Мы надеялись выйти через Валеру на наркоторговцев, а он предлагает собственные услуги. Я лихорадочно соображала, что делать.

– Нет, Валера, героин нас не устраивает, – не терпящим возражений тоном заявила я.

– Как это – не устраивает?

– Вот так. Я же говорила, что до твоего состояния доходить не собираюсь. Нам бы кой-чего полегче...

– Анаши, что ли? С этим сложнее. Я марихуаной сейчас не увлекаюсь. Несерьезно как-то. Это с барыгами связываться надо. Геморрой, – он махнул рукой.

– А если мы очень-очень попросим? Самое замечательное – это если ты познакомишь нас с кем-нибудь из барыг лично.

Иваньков нахмурился:

– Проблематично...

– Я постоянно слышу – люди берут «дурь» у некоего Капкана, – сказала я, обращаясь как бы к самой себе. – Вот бы на него напрямую выйти!

– У Капкана только очень серьезные люди берут. Мне до них далеко. И цены у Капкана из области сюрреализма. Не пролетарский Капкан человек! Напрямую на него даже мне не выйти, – Валерка покачал головой.

– Да бог с ним, с Капканом! Ты пойми, Валерка, срочно «дурь» нужна! Неужели не поможешь?

– Трубу свою еще не проторчала? – ухмыльнулся он.

Я подумала, стоит ли показывать Валерке, что у меня есть мобильный телефон, но в итоге махнула на эту мелочь рукой:

– Нет, – я вынула телефон из сумки. – Нужен?

– Нужен. Сейчас со Стопором свяжемся. Сколько вам?

– В смысле?

– Анаши сколько? Пакет, два пакета, стакан?

– Спичечный коробок, – назвала я количество марихуаны, о котором имела хоть какое-то представление. Слова «пакет» и «стакан» мне ни о чем не говорили.

– Значит, пакет, – заключил Иваньков, взял последнее достижение бытовой радиотехники в руки и уверенно набрал номер. – Сообщение для абонента номер... – заговорил он в трубку. – Стопор... Вы записываете, девушка?... Перезвони по... Номер! – шепотом, обращаясь ко мне.

Я продиктовала Валерке номер своего мобильного.

– Подпись: Иванек, – закончил Иваньков.

– Ну что? – спросила я, когда зеленоватый свет на табло телефона погас.

– Что-что? Ждать надо! Что! Только учтите, придется вам и мне отсыпать!

– Отсыпем, чего уж там.

Иваньков сбежал на кухню, принес еще стакан воды и нажал на кнопку «Воспр.» магнитофона «Электроника», изрядно покалеченного жизнью, без деки и без ручки. Из динамика зазвучал знакомый голос Сергея Шнурова: «Мы на кухне сидим и пьем, нам сейчас принесут ганджубас. Мы его с нетерпением ждем, и латинские ритмы пульсируют в на-а-ас...» Валерка пустился в какой-то расхлябанный пляс, отдаленно напоминающий танец, совершенно не попадая в такт музыке. Похоже, настроение у него было отличное.

– Сегодня пыхнем! – объявил он.

...Шло время, а Стопор все не звонил.

– Может, он вообще не получил нашего сообщения? – предположила я.

– Сразу видно, что новички! – расхаживая взад-вперед по комнате, с важным видом разглагольствовал Валера. – Запомните, Джа любит терпеливых!

– Кто такой Джа?

– Джа – бог той травы, с которой мы сегодня кайфанем, – объяснил он.

«Ну вот, – подумала я. – У них, оказывается, еще и своя мифология есть». Я никогда не представляла себя в роли человека, стремящегося приобрести наркотики, и сейчас все происходящее казалось мне нелепым сном, грозящим обернуться кошмаром. Голова шла кругом.

Наконец позвонил Стопор. Его разговор с Иваньковым был весьма лаконичен. Я не слышала речи наркоторговца, только ничего не значащие ответы Иванькова: «Нет»... «Один»... «Когда?»... «Будем».

Валера вернул мне телефон.

– Все в порядке! – сообщил он. – Через час стрелка. В Заводском. А пока можно расслабиться, послушать музыку.

... До встречи оставалось минут двадцать. Иваньков потребовал, чтобы я дала ему денег на такси.

Заводской район считается в Тарасове самым криминальным. Не каждый отважится разгуливать по его мрачным закоулкам, а уж тем более заглядывать во дворики после захода солнца. Однако именно этим Валера и заставил нас заниматься.

Мы опоздали на пять минут. На условленном месте никого не было.

– Может, он не стал дожидаться и ушел? – задала вопрос я.

Иваньков залился неестественным смехом.

– Не-ет! Барыги своего не упустят! Они всегда запаздывают. Чувствуют власть над чужими судьбами, собаки!

Я огляделась. Дворик не вызывал оптимистического настроения. Со стороны одного из подъездов слышались приглушенные пьяные голоса с характерными блатными интонациями. Метрах в двадцати от нас с восхитительной непринужденностью справлял нужду человек бомжевского вида. Еще откуда-то из-за густой завесы деревьев доносились пропитые и насыщенные матерной руганью голоса двух женщин. Я зябко поежилась.

Время шло, а наркоторговец все не появлялся. Терпение мое было на пределе, и я, чтобы хоть как-то усмирить все возрастающее нервное напряжение, начала притопывать на месте.

– Хотят ребятки торчать! Хотят! – продолжал делать свои выводы Иваньков.

В конце концов не выдержал Дмитрий Анатольевич:

– Ну где же этот Стопор?!

Валера приложил палец к губам.

– У-у-у! Что ж ты так нервничаешь, друг? Не стоит! Говорят тебе – накуришься сегодня, значит, накуришься!

Миновало еще пятнадцать минут. Степанов отозвал меня в сторонку.

– Еще немного, – сказал он, – и я пошлю этого Валеру вместе с его Стопором и анашой к чертям собачьим!

– Мне все равно. Моя функция – обеспечивать вам защиту. Поверьте, мне это безумие нужно куда меньше, чем вам, – буркнула я.

Мы вернулись к Иванькову. Не знаю, насколько бы еще хватило Дмитрия Анатольевича, но тут подошел Стопор в сопровождении двух ребят. Стопора я опознала только по приветствию Валеры:

– Что, Стопор, опять под кайфом?

– Угу! – Стопор скорчил довольную гримасу. Его слегка пошатывало.

Спутники Стопора обладали весьма колоритной внешностью: один весь в прыщах, другой очень худой, с резко очерченными высокими скулами.

Я закурила во второй раз за вечер.

– Вы тут пока потусуйте, – сказал Стопор, – а я попробую разузнать насчет «тем».

Стопор скрылся в глубине двора.

– Косяк, – представился тот, что с прыщами.

– Вовчик, – представился скуластый.

– Ты под чем? – спросил Косяк у Степанова.

– Он трезвый, – пояснил Валерка. – Он всегда такой.

– А вы по сколько берете? – допытывался Косяк.

– Мы скромные, – отвечал Валерка. – Пакетик на всех.

– А мы с Вовчиком – стакан.

– А Косяк – это потому, что «косяки» курить любишь? – поинтересовалась я.

– Не-е, – отозвался Вовчик. – Это потому, что он человек «косячный». Ходит по городу и на всю улицу про наркоту орет. И все равно ему: мусора, не мусора. Своей головы не жалко, хоть бы чужие пожалел! Влипнем мы однажды с его благословения куда-нибудь! Да только что ему объяснять!

– Да, что мне объяснять! Я вообще не понимаю этого гонева! – говорил Косяк нарочито громко, почти кричал. – Хоть сейчас на проспекте встану и начну орать: «У меня в кармане „баян“ с герой!»

Мимо прошла пожилая женщина и бросила на нас обеспокоенный взгляд.

– Хочу – ширяюсь, хочу – не ширяюсь! – не на шутку разгулялась «демократическая» натура Косяка. – Кому какая разница!

– Ну что же ты так переживаешь? – попытался успокоить Косяка Иваньков. – Не стоит оно того! Нервные клетки не восстанавливаются!

– Да потому что, в натуре, кому какая разница! – не унимался Косяк.

Не знаю, как обстояло дело насчет физического здоровья этого типа, а вот психическое наркотики ему явно основательно подорвали.

– Если ты кому-то нужен, тебя и чистого заберут, подкинут в карман что-нибудь, – продолжал развивать свои идеи Косяк, не жалеющий чужие головы. – Так какого хрена тогда гнать! Знаете, какой облом недавно был? – произнес он неожиданно тихо, резко переключившись на другую тему.

– Какой? – задал вопрос Валерка.

– Сейчас расскажу.

Гневный рассказ Косяка показался мне откровенным бредом неизлечимого шизофреника:

– Скинулись толпой, короче. Звоним бабе Люсе. «Баба Люся, нам шесть банок! Капуста есть». Она: «Приезжайте завтра, все будет». Ну, мы, ясное дело, давай мечтать, кто в каких мирах и как отрываться будет. Приехали на другой день. А баба Люся: «Ой, ребятки, – мимика Косяка в те моменты, когда он цитировал бабу Люсю, очень впечатляла, – а я две банки продала! Четыре возьмете?» А нам четырех на толпу не хватит. Пришлось возвращаться с пустыми руками. Через пару дней мы с Вовчиком на двоих наскребли. Решили заторчать. Мечтаем, ясен перец. Звоним, а баба Люся нам: «Ой, ребятки, кончилось все! На той неделе будет!» Опять облом. А на следующей неделе у нас бабла не было. И, как назло, бабу Люсю на улице встречаю. А она: «Что ж вы, ребятки, не заходите? У меня ж двенадцать банок лежит!» Отсюда – мораль: не дели шкуру непроданного эфедрина!

– Это точно! – засмеялся Иваньков.

– Нельзя же так жить, – машинально пробормотала я.

– Так жить нужно! – снова завелся Косяк. – Во!

Он закатал рукава и гордо продемонстрировал «дорожки» на внутренней стороне предплечий.

Тем временем подошел Стопор.

– Борода! – сообщил он. – Несрост! Кончилось все!

– У-у-у... – протянул Иваньков.

Косяк со злостью сплюнул.

– Тьфу, черт, опять пьянствовать придется!

– Не хочу я пьянствовать, – жалобно захныкал Вовчик и замотал головой так отчаянно, словно агенты иностранной разведки требовали от него измены Родине в форме раскрытия важной государственной тайны. – Это ж потом от похмелья с утра маяться!

– А кто хочет?! – взбесился его приятель. – Я лично хочу торчать! Понимаешь, торчать! Но, поскольку другого выхода на сегодняшний день я не вижу... – конец тирады, как

всегда, оказался у Косяка обескураживающе неожиданным: – А все дело в том, что алкоголь не изменяет сознания!

* * *

– Вы уж не обессудьте, мужики, – разводил руками Стопор.
– Так уж получилось... Бывает...
– Бывает, – согласился Валера.
– Ну так я пойду? – виновато спросил Стопор. – Дела, они на месте не стоят...
– Не стоят, – словно попугай повторил Иванов.
– Иди, – кивнул Вовчик.
– Иди, иди! – закричал Косяк. – Еще раз подобная ботва повторится!..
– Иди, – присоединился к общему мнению Валерка.
– Вот всегда со Стопором так, – заметил Косяк, когда наркоторговец ушел. – В вечном ступоре! В следующий раз к Капкану обратимся. Оно, конечно, подороже, зато и надежней. Мы со Степановым переглянулись.
– Капкан, он ведь, говорят, на совесть работает, – сделав задумчивый вид, молвила я.
– Несерьезно это все, – скептически выразил свое мнение Иванов. – Не по-пролетарски.
– Решено, – сказал Вовчик. – Завтра звоним Капкану.
– А вы не могли бы нас с ним свести? А то нам срочно нужно... – осторожно осведомилась я.
– Нет, – покачал головой Косяк. – Капкан левых людей не любит.
– Что, совсем никак? – Я и не пыталась скрыть разочарование, которое ясно прозвучало в моем голосе.
– Совсем никак.
Косяк развернулся к Вовчику.
– Надо идти, – сказал он.
– Надо.
В этот момент краем глаза я заметила группу «бритых» молодых людей, бредущих в нашу сторону характерными походками, что называется, вперевалочку.
– Гоблины, – сделал вывод Косяк. – Докопаться хотят. Возможно, капусту снимать будут. Надо, короче, отсюда валить.
Тем временем «бритые» парни приблизились к нам на расстояние, которое не оставляло сомнений: с нами собираются серьезно поговорить. Их было семеро. Один из них неприятно хихикал.
– Закурить не найдется? – спросил, чрезмерно растягивая ударные гласные, самый высокий и плечистый из них. Я мысленно обозвала его «великаном».
– Не курим, – угрюмо ответил Косяк.
Я вынула из сумочки пачку, раскрыла ее и протянула «великану».
– У девушек брать не по понятиям, – отозвался тот.
Хихикающий «гоблин» развеселился еще больше.
– Слушайте, а что вы вообще в нашем районе делаете? – спросил самый маленький и щупленький из страдающих никотиновым голодом молодых людей.
– Друга навещали, – ответил за всех Валера.
Снова хихиканье. Типа, издающего эти звуки, я окрестила «весельчаком».
– Есть бабки? – осведомился самый страшный из «гоблинов», с угрожающей дьявольской ухмылкой на губах. Его мое сознание зафиксировало как «товарища с улыбкой Сатаны». – Пацану десяточку на лекарства. Болеет он, печенку посадил.

Вовчик с кислой миной на лице потянулся к карману.

– Держи.

– И все?! – «товарищ с улыбкой Сатаны» презрительно повертел в руках десятирублевую купюру. Тем не менее он от нее не отказался. – Мы про десятку, значит, для приличия сказали, а тебе с пацаном поделиться жалко? Падла!

Молодой человек, обеспокоенный здоровьем друга, выдвинул вперед кулак и тут же отвел его в сторону. Вовчик отпрянул. Хихиканье перешло в залиvistый смех. Остальные вымогатели тоже расхохотались.

– Дай сотку!

– Нету сотки, – прохрипел Вовчик, и кулак на этот раз достиг цели. Удар пришелся Вовчику в живот, и он согнулся пополам.

Смех «весельчака» уже начал походить на лошадиное ржание.

– Вы кто, вообще, по жизни? – на этот раз заговорил, обращаясь к Дмитрию Анатольевичу, самый шустрый из подонков.

Это было уже слишком. Мое терпение лопнуло.

– А ты сам-то кто по жизни? – поинтересовалась я.

– Ты чего?! – рассвирепел «гоблин» и двинулся в мою сторону. – Дырка с мясом! Хочешь, чтобы тебя по кругу пустили?

– Мне просто интересно, кто ты по жизни, – повторила я.

– Я – правильный пацан! Я живу по понятиям! А ты – дырка с мясом!

– А пошел ты на!..

«Правильный пацан» на мгновение опешил, а потом замахнулся. Но его кулак описал лишь половину траектории и был перехвачен моей левой рукой. Я вывернула плечо почтительно понятий и швырнула бедолагу на землю. «Гоблины» на несколько секунд пришли в замешательство. Валерка воспользовался этим и пустился наутек.

«Гоблины» стряхнули с себя оцепенение и перешли в наступление. Боковое зрение, все это время неустанно несшее вахту, помогло мне оценить обстановку: «великан» метил мне в челюсть. Его «коллега» развернулся к Дмитрию Анатольевичу. Четверо оставшихся «гоблинов» смыкались вокруг Косяка и Вовчика. К тому же делал попытки подняться на ноги тот, кого я только что нокаутировала. Все это прошло через мой мозг, как через процессор компьютера, за доли секунды.

Я произвела прием, называемый в карате «вертушкой»: подпрыгнула и, распрямив ногу, нанесла удар сначала по голове вымогателя, намеревавшегося расправиться с Дмитрием Анатольевичем, а затем по голове «правильного пацана», метившего в меня. Оба повалились на землю. Оставшиеся типы явно растерялись, а это самая ужасная ошибка, какую только можно допустить в драке.

Я, как буря, ворвалась в круг, в центре которого топтались перепуганные Косяк с Вовчиком. Первого попавшегося мне под руку «гоблина» – «весельчака» – я наградила ударом «майюгири» в живот. Второму достался «удар-молния», или «урокен», в нос. Теперь на меня наступал «товарищ с улыбкой Сатаны» в сопровождении приятеля. «Товарищ с улыбкой Сатаны» получил «маваши-гири» по своей выразительной челюсти. Раздался хруст, который ни с чем не спутаешь. Приятель его неуверенно попятился. Мое чуткое ухо уловило приближение противника с тыла. Кто-то из сраженных мной пришел в себя. Я сделала ложный выпад, словно собиралась нанести отступающему боковой удар, этот выпад в подходящий момент обратился в так называемый «удар льва» – ногой назад, и обернулась. Нападавшим оказался самый высокий и крепкий из «правильных пацанов». Не успев очнуться, он вновь оказался в бессознательном состоянии.

Надо отметить, что мои спутники тоже не теряли времени даром. Степанов нейтрализовал шустрого типчика, позволившего в отношении меня откровенно оскорбительные высказы-

вания, а также добил «весельчака», который, видимо, рассчитывал отделаться ударом в живот. Косяк с Вовчиком отчаянно пинали ногами катающегося по асфальту «гоблина», который вначале пытался одолеть меня с братской помощью человека, улыбочкой походившего на Люцифера, а потом, когда тот свалился со сломанной челюстью, попробовал пойти на попятную. Косяк с Вовчиком проявляли звериную жестокость, упиваясь зрелищем чужой крови.

– Ну все! Хватит! – сказала я. – Сражение окончено!

– Получай, сука! – орал Косяк, в очередной раз занося ботинок над окровавленным лицом.

Я схватила его за плечи:

– Ну все! Финиш!

– Да я ему! – никак не успокоясь, повторял снова и снова Косяк, пока мы с Вовчиком оттаскивали его подальше от избитого. – Родная мама не узнает!

В этот момент к нам подбежал Иваньков.

– А я за вами со стороны наблюдал, – заявил он. – Как в кино! Честное слово!

Вид поверженных «гоблинов» был воистину жалок. Они корчились на земле и стонали. Моему клиенту больше ничто не угрожало. Я вздохнула с облегчением.

* * *

– А ты молодец, деваха! – восторженно отозвался Косяк о моих способностях, когда мы наконец вышли к автобусной остановке. – Они теперь надолго запомнят! Где ты этому научилась?

– Карате занималась несколько лет назад.

– Что же ты из спорта ушла, торчать начала? Да что там говорить... Ну, теперь я тебя, в натуре, уважаю. Тебе ведь совсем не досталось? Мне вот губу разбили.

– А у меня шишка на лбу будет, – откликнулся Вовчик.

– А Валерке сказать нечего, – усмехнулся Косяк. – Он как заяц в кустах отсиживался.

– Я искал наиболее рациональное решение проблемы, – поджав губы, попытался сказать хоть что-то в свое оправдание Иваньков.

– «Рациональное решение», – передразнил Вовчик. – Даже признаться, что струсил, не можешь! Вот отвага Женьки заслуживает воспевания в сказаниях и былинах!

– Шпана боевыми искусствами профессионально не владеет, – скромно ответила я. – Мне приходилось вступать в поединок и с более серьезными противниками.

– Ну, деваха, я теперь себя обязанным чувствую! – говорил Косяк. – Знаешь, я, пожалуй, сведу тебя с Капканом. Скажу, что ты – моя очень старая, проверенная и дорогая сердцу знакомая. Только это недешево встанет, как замечал наш сыкун Валерка. – Последние слова заставили Иванькова что-то гневно пробормотать. Косяк, не обращая на него внимания, продолжал: – Но зато качественно! Капкан – старая фирма, с орденами за особые заслуги. И еще – мы себе тоже отсыпем за услугу.

– У-у-у! – уныло протянул Валерка, моментально забыв о своих обидах. – Я на халяву накуриться хотел, а вы у меня эту халяву отбиваете? Придется тогда и мне отсыпать!

Я подумала, что в знак благодарности все трое могли бы быть менее жадными. Хотя мне, в принципе, было все равно.

– Завтра Капкан тебе продаст, – заверил Косяк.

– А как с тобой связаться?

– Я тебе свой домашний телефончик дам. Есть куда записать?

Я вынула из кармана записную книжку.

– Записная книжка для таких, как мы, – вещь незаменимая, – одобрительно склонил голову Вовчик.

Косяк продиктовал мне номер своего домашнего телефона.

– Завтра вечером, часиков в пять, позвони, – сказал он.

Я кивнула, и в этот момент подъехал наш с Дмитрием Анатольевичем автобус.

Глава 3

Всю дорогу Дмитрий Анатольевич молчал. Похоже, он до сих пор находился под впечатлением от случившегося. Заговорил он со мной только дома:

– Теперь, Евгения Максимовна, я доверяю вам безоговорочно! Удивительно, но я вышел из этой потасовки целым и невредимым. Как вы их так ловко, семерых-то?

– Ну, во-первых, я их не одна одолела. Я видела, как вы, Дмитрий Анатольевич, обороняли мои тылы, да и Косяк с Вовчиком помогли. А во-вторых, это же моя профессия. Если бы я не могла справиться с толпой подвыпившей уличной шпаны, то вряд ли своей деятельностью выбрала бы бодигард.

– К тому же, – не обращая внимания на мои слова, продолжал Степанов, – возможность выйти на Капкана у нас появилась только благодаря восторгу и уважению, которые вам, Евгения Максимовна, удалось вызвать у этих двоих наркоманов.

– Мне кажется, вы несколько переоцениваете мои заслуги...

– Нет, это скорее вы недооцениваете себя.

Все силы я выложила в сегодняшнем бою, и на то, чтобы продолжать бесполезный спор, их у меня не осталось.

– Жаль, что придется ждать до завтра, – заметил Дмитрий Анатольевич.

Я пожала плечами:

– Ничего не поделаешь, придется.

* * *

Как и было условлено, десятого июня в пять часов вечера я позвонила Косяку.

– А, это ты! – обрадовался он. – А мы тут про тебя всем своим пацанам рассказали. Никто не верит. «Это что такое вы употребляете, от чего обоим одновременно девушки-суперменки мерещатся?» – спрашивают. Ну и пусть не верят! Бог с ними, с убогими!

– Наше соглашение в силе?

– Да, все в порядке. Только по телефону я говорить об этом не буду. Мало ли что... Я сейчас очень занят, вы ко мне домой приезжайте. Это в центре. Запоминайте адрес: улица...

Я перебила Косяка:

– Погоди немного, я ручку принесу, записать. А то так, боюсь, запомную.

Спустя полминуты моя записная книжка пополнилась еще одним адресом. Косяк жил в Волжском районе, недалеко от Набережной.

* * *

Минут через двадцать стало ясно, чем таким был «очень занят» Косяк. В гостиную у него за столом сидел Вовчик. Уставившись на смятый тетрадный листок, он нервно покусывал кончик карандаша.

– Посидите на диванчике, – попросил Косяк. – Мы с Вовчиком должны разобраться с текущими делами.

Я попросила разрешения закурить и, получив его, демонстративно показала Косяку и Вовчику свою пачку:

– Не признаю никаких сигарет, кроме «Золотой Явы»!

Вовчик хихикнул:

– А «Беломорканал» признаешь?

– Ну, это совсем другое дело!

Я закурила.

Мне понадобилось немного времени, чтобы понять, о чем идет речь у Косяка с Вовчиком. Между ними развернулись жаркие дебаты. Косяк с Вовчиком пытались распределить на месяц стакан анаши, который намеревались приобрести у Капкана.

– Да ты что, совсем дурак?! – орал Вовчик. – Марихуана-то понтовая: две тяги, и улетел! Ее можно курить поменьше, зато чаще.

– Уж лучше пореже, зато основательно, – не соглашался Косяк. – Тем более у нас димед-рол остался.

Я махнула на них рукой и решила осмотреться. Конечно, в квартире Косяка тоже был бардак, но, по сравнению с тем, что я видела у Валерки Иванькова, это был образец чистоты и гигиены наркоманского жилища, о чем я не преминула высказаться:

– У вас, в отличие от Валерки, в квартире хоть какой-то порядок.

– Это потому, что Валерка – героинщик. Пропавший человек! – отозвался Вовчик.

– А вы нет?

Косяк и Вовчик уставились на меня с изумлением.

– Нет, конечно! – поспешили воскликнуть они в один голос.

– Мы только винтимся и накуриваемся, – объяснил Косяк. – Опиийные препараты нам приписывать не надо. Что можно, а что никак нельзя – знаем!

И приятели вновь углубились в решение своих насущных проблем.

Наконец подневный план курения анаши был готов. Косяк со вздохом облегчения сложил листок в несколько раз и положил его на верхнюю полку серванта.

– Вот теперь можно и поговорить! – сказал он мне.

– По телефону ты сказал, что все в порядке.

– Да. Я говорил с Капканом. Навешал ему лапши на уши. Он вам продаст, что надо. Сейчас поедем на встречу с ним.

– Опять в какую-нибудь подворотню?

– Ну, а почему нет? Ты ведь можешь постоять за себя! Да и не только за себя. Кстати, торчок-то наш, – Косяк кивнул на Дмитрия Анатольевича, который, как всегда, не мог сообщить, как правильно себя вести с подобными людьми, а потому сидел смирно, сложив руки на коленях, – тоже вчера неплохо дрался. Я сам видел.

– Так мы поедем или нет? – словно очнулся Степанов.

– Поедем, поедем! Только лишняя спешка ни к чему. Поспесишь – людей насмешишь!

– А ты, я вижу, большой любитель пословиц? – съязвила я.

– Обожаю пословицы! – признался Косяк. – Уверен, их придумали наши люди – наркоманы.

– Это почему?

– Потому что все – в нашу тему. Ладно, потом объясню. Давайте собираться! Я предлагаю прогуляться пешком. Это не очень далеко.

* * *

Как только мы вышли, я закурила. По дороге Косяк пытался нас развлечь.

– Вообще, все, что придумано цивилизацией, было придумано наркоманами, – разглагольствовал он. – Возьмем хотя бы детские мультики...

– Мультки-то при чем?! – недоумевала я.

– Я и объясняю, при чем. Помните сову из мультика про Винни-Пуха? Она же кокаинщица прожженная! Зрочки характерные, насморк постоянный. А загонялась-то как! Или коте-

нок по имени Гав. Помните, как они боялись? Это они накурились и на измену сели. А потом их на хавку пробрало. Помните, как сосиску делили?

Я только качала головой.

– А хотите анекдот? – не отставал Косяк.

– Валяй.

– Мальчиш-Кибальчиш орет: «Измена! Измена!» Мальчиш-Плохиш похлебку жрет и приговаривает: «Кому измена, а кого на хавку пробрало!»

Косяк с Вовчиком дружно заржали. Я сделала вид, что мне тоже смешно. Один Дмитрий Анатольевич продолжал мрачно глядеть себе под ноги.

– Одному торчку не смешно, – заметил Вовчик. – И правильно! Тут плакать надо, а не смеяться.

– Или, например, Корней Чуковский, – вернулся к любимой теме Косяк. – Была у него такая заморочка: «Волки от испуга скушали друг друга». Вы как себе это представляете?

– Никак.

– Правильно. Нормальный человек такого себе не представит. Великие люди, они все – алкоголики и наркоманы. Володя Высоцкий или... – Косяк почесал затылок. – Что-то никто больше не вспоминается. Но поверьте мне на слово!

Я не стала с ним спорить.

– А хотите загадку? – спросил Косяк.

Я тяжело вздохнула:

– Валяй.

– Какой всем известный персонаж, можно сказать, классического произведения, был наркоманом?

Я подумала и ответила:

– Не знаю. Я, наверное, не читала этого произведения.

– Может, и не читали, зато кино точно видели. Этого персонажа последний бомжара знает.

Я подумала еще немного.

– Сдаюсь.

– Шерлок Холмс! Он кокаин нюхал. Нюхнет – и дело раскроет!

Дмитрий Анатольевич невольно вздрогнул.

– А, родимое вспомнил?! – оживился Вовчик. – Эх-х-х, торчок!

Вот с такими забавными разговорами мы и добрались до места.

Я оказалась права. Капкан назначил встречу в темной подворотне, которая одновременно выполняла функцию общественного туалета.

– Надо Капкану позвонить, – сказал Косяк, обращая ко мне в надежде на мой мобильный. Очевидно, он уже был поставлен в известность о наличии у меня этого «незаменимого средства связи» Ивановым. – Сказать, что мы на месте.

– Так вы не договорились о времени встречи?! – изумилась я.

– Нет. Капкан – не тот человек, который бежит сломя голову неизвестно куда, не будучи уверенным, что кого-то застанет на месте. Капкан – человек серьезный!

– Ну, серьезный так серьезный. Держи телефон!

* * *

– Капкан велел ждать! – объявил Косяк результаты переговоров, возвращая мне трубку. – Кстати, ты Валерку предупредила? Он ведь себе тоже отсыпать хотел...

– Нет, как-то вылетело из головы.

– Ну, так звони ему сейчас! А то «косячок» выходит. Нельзя человека обижать! Хотя и сыкло он паскудное.

Я вняла совету Косяка, и Валера Иванов был извещен.

Примчался он на удивление быстро – минут через пятнадцать, словно прискакал на лихом коне.

– Вот и Валера, – прокомментировал Косяк. – А Капкана все нет.

– Эх, бранный мир наркоторговли, – философски отозвался Вовчик.

* * *

Капкан явился спустя еще минут десять. Когда мне стало ясно, что это тот самый Капкан, о котором только в последние дни шла речь, я сразу закурила.

Я представляла Капкана совсем по-другому. Мне казалось, что он будет сутулым, щуплым и низкорослым человечком с внешностью мелкого, но на редкость подлого жулика. На самом деле Капкан оказался здоровенным амбалом с заросшим волосами лицом, напоминающим обезьянью морду. Но было в этом лице и что-то детское. К тому же оно казалось непроницаемым. Это впечатление усиливали темные очки. На голове у Капкана красовалась тинейджерская кепка. Не нужно было прикладывать особых зрительных усилий, чтобы разглядеть вытатуированное черным, заключенное в круг, число тринадцать на его левом запястье. Я заметила, что Степанов невольно вздрогнул.

– Здорово, мужики! – пробасил Капкан и пожал всем по очереди руки.

Мою руку он галантно поцеловал.

– Это о них вы говорили? – спросил Капкан у Косяка с Вовчиком, указывая на меня и Дмитрия Анатольевича. – Что-то они не вызывают у меня доверия.

– Хорошие люди, проверенные, – поспешил замолвить доброе словечко в нашу пользу Косяк.

– Начинающие, по ходу, – произнес Капкан, пристально разглядывая меня и Степанова. – Что-то в их лицах мне не нравится. Хотя, быть может, я и ошибаюсь.

Внезапно Капкан повернулся к Валерке:

– А этого фраера я помню! Ты-то что здесь делаешь?

– Отсыпать хочет у людей, – объяснял Косяк. – Они ему за прошлый сrost должны.

– Ладно, ребята. – Капкан трижды ударил себя кулаком в грудь. – Сейчас – ждем! Девчонка подвалить должна. Вот тогда я вас всех вместе и ублажу. Кстати, – Капкан обратился к Степанову, – вы знаете мои расценки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.